

ли сподіватися на підтримку держав Антанти та США. Керівництво цих країн стало рішуче виступати за утворення незалежної польської держави, відмовляючись від перебудови Австро-Угорщини на федеративній основі.

Виникнення незалежних слов'янських держав після Першої світової війни відбувалося у досить сприятливих умовах: воєнна поразка блоку Центральних держав, революція в Росії, підтримка національно-визвольного руху з боку країн Антанти та США. Проте це не означало автоматичної появи на карті Східної Європи нових незалежних державних утворень. Тому на завершальному етапі війни в момент розпаду імперії жоден із пригнічених народів не міг розраховувати на здобуття незалежності, якщо не був здатний утримати її власними військово-політичними зусиллями.

Надійшла до редколегії 26.06.2014

УДК 930.1:94(430) «19»

Г. Д. Шкундин

Международный независимый эколого-политологический университет

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГАБСБУРГСКОЙ МОНАРХИИ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 1920-х гг.

Досліджено радянську історіографію 1920-х рр., що стосується національних проблем Габсбурзької монархії під час Першої світової війни. Проаналізовано праці М. Покровського, В. Леніна, І. Сталіна, Е. Тарле, О. Бауера, Ю. Мархлевського і зроблено висновок, що за 1920–1990-ті роки в Радянському Союзі Австро-Угорщина не вивчалася цілісно як суб'єкт європейської історії.

Ключові слова: Австро-Угорщина, М. Покровский, Сербія, радянська історіографія.

Исследована советская историография 1920-х гг., касающаяся национальных проблем Габсбургской монархии во время Первой мировой войны. Проанализированы труды М. Покровского, В. Ленина, И. Сталина, Е. Тарле, О. Бауэра, Ю. Мархлевского и сделано заключение, что за 1920–

1990-е годы в Советском Союзе Австро-Венгрия не изучалась целостно как субъект европейской истории.

Ключевые слова: Австро-Венгрия, М. Покровский, Сербия, советская историография.

Der Beitrag widmet sich der sowjetischen Historiographie der 1920er Jahre bezüglich der Nationalitätenprobleme der Habsburg-Monarchie während des Ersten Weltkrieges. Auf Grund der Analyse von Arbeiten von M. Pokrovskij, V. Lenin, J. Stalin, Je. Tarle, O. Bauer und Ju. Marchlewski kommt der Autor zu dem Schluss, dass in der Sowjetunion der 1920er–1990er Jahre Österreich-Ungarn nie Gegenstand einer komplexen Erforschung als Subjekt der europäischen Geschichte gewesen war.

Schlagwörter: Österreich-Ungarn, M. Pokrovskij, Serbien, sowjetische Historiographie.

The article is devoted to Soviet historiography of 1920s, dealing with national problems of the Habsburg Empire during World War One. The author analyzes works of M. Pokrovskii, V. Lenin, I. Stalin, Ye. Tarle, O. Bauer, Yu. Marhlevsii. He comes to the conclusion that in 1920-1990s in USSR Austria-Hungary was not studied integrally as the subject of European history. Instead of this historians focused their attention on the history of its separate nations, even when those nations, being included to Austria or Kingdom of Hungary, had no opportunity to act as independent political force. Particularly, Mikhail Pokrovskii admitted that national movement of southern Slaves had independent meaning, but underestimated expansion of Austria-Hungary on Balkans, its reasons and motives. In completely different way Pokrovskiy and Lenin saw the fate of Serbia. The first insisted that Serbia suffered greatly from predatory march of German bourgeoisie which carried on aggressive imperialistic policy, the second considered Serbia to be the main provocateur of the war. In 1920s only few professional research on the last period of the Habsburg monarchy history were written. Their authors, communists and emigrants from the states, which emerged on wracks of Austria-Hungary, wrote about national movements in the Habsburg monarchy in the light of workers history and history of communist movements. Otto Bauer, theoretician of Austrian Menshevism, put forward the demand to recognize rights of the nation for self-definition and state independence. Stalinist historical and law science talked about two historic types of multi-national states. The Habsburg monarchy, as well as her inheritresses of interwar period – Yugoslavia, Romania, Czechoslovakia and Poland, which preserved remnants of old Austrian-Hungarian traditions of national oppression, represented the first type. USSR represented the second type.

Thereby, Marxist-Leninist conception of the history of national question in Austria-Hungary during World War One was being created – yet was not created completely, from the perspective of nations, which lacked their own state.

Keywords: Austria-Hungary, M. Pokrovskii, Serbia, Soviet historiography.

В дореволюционной российской историографии доминировало критическое отношение к Габсбургской монархии, населенной сла-

вянскими народами. Выражалось сочувствие, прежде всего, к православным подданным династии Габсбургов. В ноябре 1917 г. к власти в России пришли большевики. Национальным движением югославян Австро-Венгрии, а также сербо-хорватскими отношениями в годы войны и после неё особенно интересовался Лев Давидович Троцкий. Он подчеркивал важную роль династии Габсбургов как связующей скрепы между обеими частями дуалистического и многонационального государства. По его словам, «Австро-Венгрия, как государственная организация, тождественна Габсбургской монархии: с ней стоит и падает».

Но главным специалистом в данной сфере среди большевистской элиты считался Карл Бернгардович Радек – уроженец Галиции, бывший подданный Габсбургской монархии и блестящий публицист. С марта по ноябрь 1918 г. он возглавлял отдел Центральной Европы в Народном комиссариате по иностранным делам и отдел внешних сношений ВЦИК. Однако он тогда не обратил внимания на возникновение новой проблемы – австрийской нации.

Пятнадцать послереволюционных лет доминировал в советской исторической науке Михаил Покровский. Еще в 1915 г. он утверждал, что Германия «не только не стремилась сама к захватам, но и мешала делать их своей гораздо более драчливой союзнице – Австро-Венгрии». В 1924 г., когда отмечалось 10-летие начала войны, в предисловии к русскому изданию книги Карла Каутского «*Wie der Weltkrieg entstand*» Покровский объявлял главным виновником мирового конфликта российский царизм. По его словам, «*сербская военищина, чувствуя на своём плече могучую руку северной покровительницы, не боялась войны*». Он утверждал, что, якобы, убийство Франца Фердинанда в Сараево было спровоцировано российским Генеральным штабом. Впоследствии, Покровский признал самостоятельное значение национального движения югославян, но недооценивал экспансию Австро-Венгрии на Балканах, её причины и побудительные мотивы. Весьма вольно Покровский трактовал и вопрос о национальном составе Трансильвании, иных земель короны святого Иштвана. Он писал, что в годы мировой войны Румыния стремилась обеспечить «*“осуществление своего национального идеала” полунемецкой Трансильванией*», в том числе. О том, что эта провинция была не менее полувенгерской, не прозвучало ни слова.

В 1927 г. появилась антантофильская книга академика Евгения Викторовича Тарле «*Европа в эпоху империализма. 1871–1919*». Автор обоснованно утверждал, что перед войной «*в недрах са-*

мой Австро-Венгрии всё усиливался чешский сепаратизм. Чехия ... была экономически вполне "автономна", вполне могла обойтись без остальной империи, а потому с особой силой и раздражением требовала и автономии политической». Сегодня этот тезис следует уточнить, учитывая неоднородный национальный состав Богемии, своеобразное положение её дворянской элиты и ряд иных факторов. Но сделать это ранее было невозможно из-за отсутствия в распоряжении Тарле достаточного количества представительных источников.

Покровский заявил, что Тарле якобы стремился обелить сербские власти и снять с них ответственность за сараевское убийство. Поддержанный Сталиным, Покровский в разгромной рецензии заклеил труд Тарле как «классово чуждый» и как «ловкую маскировку под марксизм». По его словам, Тарле предпринял попытку «сокрушить марксистские исторические концепции при помощи якобы марксистских приёмов». В 1929 г., в год «великого перелома», всеильный Покровский объявил об окончании «периода мирного сожительства» с учеными дореволюционной школы. 29 января 1930 г. Тарле был арестован по так называемому «академическому делу». Научные обвинения трансформировались в политические.

В те годы для самого Покровского еще считался возможным отход от канонических изречений Ленина и Сталина. Ленин в ноябре 1914 г., имея в виду Австрию, утверждал, что *«на деле немецкая буржуазия предприняла грабительский поход против Сербии, желая покорить её и задушить национальную революцию южного славянства»*. Сталин же ещё в 1913 г. заявил, что в Габсбургской монархии *«национальный вопрос составляет ... ось политической жизни, вопрос существования»*. Как основополагающий вывод классиков ленинизма преподносилось следующее: *«Господствующие классы Австро-Венгрии, находясь в политическом и военном союзе с империалистской Германией, вели агрессивную империалистскую политику, надеясь путём завоевания новых территорий и, особенно, путём разгрома Сербии, остановить всё более усиливающееся разложение двуединой монархии»*. Покровский же считал Сербию «главнейшим провокатором войны, ... сознательным агентом, осуществившим ту провокацию, которая была задумана французским империализмом в союзе с царской Россией».

В 1920-е гг. интенсивно шла советизация исторической науки. Профессиональных исследований по последнему периоду существования Габсбургской монархии было очень мало. Авторами большин-

ства работ стали коммунисты-эмигранты из государств, которые возникли на обломках Австро-Венгрии. Труды, созданные ими в СССР, можно считать составной частью советской исторической науки. Не имевшие профессиональной исторической и, в частности, источниковедческой подготовки, они занялись кропотливым сбором и выявлением документального материала по истории своих стран. Идеология советского тоталитарного государства ориентировалась не на национальные, а на интернациональные и классовые ценности. Поэтому исследователи подавали материал о национальных движениях в Габсбургской монархии через призму истории рабочего и коммунистического движения. Появлялись идеологизированные публицистические брошюры с терминологией Коммунистического Интернационала и соответствующими политическими оценками. Интеллектуальные и политические корни многих теоретических установок уходили в романтически-позитивистскую традицию XIX века и в программы восточно-европейской социал-демократии.

Ту же пропагандистскую цель преследовало и издание в середине 1920-х гг. на русском языке мемуаров Оттокар Чернина и особенно Отто Бауэра. Предисловие к воспоминаниям последнего написал большевистский историк Филипп Ротштейн. Фактически это было продолжением давних споров Ленина с австромарксистами, в том числе и по национальному вопросу. Так, в марте 1916 г. Ленин писал о необходимости *«разъяснить массам реакционность идей Карла Реннера и Отто Бауэра о так называемой “культурно-национальной автономии”»*. Ротштейн квалифицировал Бауэра как *«виднейшего теоретика австрийского меньшевизма»*. Принятая же в январе 1918 г. *«Национальная программа левых»*, ставшая поворотным событием в развитии австрийской социал-демократической мысли, по словам Ротштейна, документировала *«кретинизм австрийской социал-демократии»*. Особенно жесткими обвинения в адрес Бауэра стали после 1927 г., когда Сталин окончательно обозначил одним из главных политических врагов СССР международную социал-демократию, называемую *«социал-фашизмом»*. Одна из первых и многократно переизданных теоретических работ Сталина – *«Марксизм и национальный вопрос»*, содержала критику концепций австромарксизма и *«культурно-национальной автономии»*. Данную работу автор завершил в январе 1913 г. в Вене, куда приезжал по рекомендации Ленина для сбора материалов. По утверждению югославского коммуниста Милована Джиласа, из своего разговора со Сталиным в 1948 г. он вынес впечатление, что, якобы, Ленин эту ста-

линскую работу отредактировал. Несмотря на очевидную эклектичность работы, она считалась непреложной истиной. Советские историки упорно не признавали, что именно Бауэр, вернувшись из российского плена в сентябре 1917 г., месяц спустя на партийном съезде социал-демократов совместно с левыми выдвинул требование о признании права наций на самоопределение и государственную самостоятельность. Это произошло впервые после учредительного Нойдорфльского (1874) съезда австрийской социал-демократии. Именно в данном требовании Бауэра и его сторонников выразилось социалистическое понимание национальных вожелдений различных славянских народов, итальянцев и румын Габсбургской монархии. Это означало отход Бауэра от традиционной установки «культурно-национальной автономии».

Ряд появившихся в СССР работ стали непосредственным отзвуком Гражданской войны. Например, рассматривая действия чехословацкого корпуса в России, историки переходили к изучению связей руководителей легионеров с «русской и зарубежной контрреволюцией». Под ними подразумевались руководители Белого движения и стран Антанты.

При рассмотрении польско-советской войны 1919–1920 гг. затрагивались различные аспекты восстановления государственности польского народа. Обосновывался вывод о решающей роли Октябрьской революции в восстановлении независимости Польши и давались упрощенные оценки всей ситуации, сложившейся на польских землях в ноябре 1918 г. Это касалось вопроса о крахе оккупационного режима Центральных держав, основных аспектов деятельности Люблинского правительства Игнацы Дашиньского (*Tymczasowy Rząd Ludowy Republiki Polskiej w Lublinie*), роли Юзефа Пилсудского в восстановлении польской независимости и т.п. Не избежал таких упрощений и Юлиан Мархлевский. Он жил и работал в 1918–1925 гг. в Советской стране и стремился утвердить марксистскую концепцию национальной истории. Мархлевский подробно осветил изменения в трактовке польского вопроса на трёх этапах мировой войны: в начале её, во время оккупации Царства Польского войсками Центральных держав и в период русских революций. Особое внимание он уделил позиции Пилсудского и Дашиньского, отмечая внутреннюю противоречивость идеи формирования – с согласия Генерального штаба Габсбургской монархии – польского Легиона для участия в войне на стороне Австро-Венгрии, а по сути Германии. Этой двойственностью Мархлевский объяснял слабый успех

пропаганды среди польского населения в пользу Легиона, который, дескать, из-за своей малочисленности, не имел почти никакого военного значения. Автор указал также на политическую бесперспективность и близорукость ориентации Пилсудского на Вену. Война показала, что Габсбургская монархия, более слабая в сравнении с Германией, не была способна самостоятельно осуществить на практике объединение под своим скипетром даже двух частей Польши. В результате выступления польских политических партий на стороне Австро-Венгрии решение судьбы поляков оказалось в руках явно враждебной им Германии. Осуждая «позорный торг» по польскому вопросу, в котором, наряду с Центральными державами, приняла участие и социал-демократическая партия Дашиньского, Мархлевский резко отрицательно оценил акт 5 ноября 1916 г. о создании «самостоятельного Польского государства», а также персональный состав его Регентского совета и правительства.

По убеждению Мархлевского, образованное «государство» не отвечало интересам польского народа – его национальные чувства не были удовлетворены, а наоборот, обострились. Особое возмущение Мархлевского вызывал тот факт, что краковский орган социал-демократов «Narząd», озабоченный лишь частичным восстановлением Польши в составе бывшего Царства Польского и Галиции, был согласен обречь «свыше четырех миллионов поляков в жертву прусской истребительной политике».

Мархлевский писал, что взаимоотношения Австро-Венгрии и Германии наносили ущерб интересам польской нации. Ведь в противовес стремлениям Габсбургов объединить под своим скипетром российскую часть Польши и Галицию, Германия, не считаясь со своей союзницей, стала превращать бывшее Царство Польское в «буферное государство» с изменёнными границами и сомнительной автономией. Это вызвало недовольство как Вены, так и польских политиков. Февральская же революция в России с её лозунгом о независимости Польши, по словам Мархлевского, ещё больше скомпрометировала сторонников проавстрийской и прогерманской ориентации. Мархлевский пришёл к выводу, что мировая война не была решающим фактором ни в постановке вопроса о действительном восстановлении польского государства, ни тем более в практическом его осуществлении. Но война всколыхнула идею независимости, обострила национальные чувства поляков, тем самым подготовила почву для оживления идеи возрождения самостоятельного польского государства. В распаде Австро-Венгрии и германской революции он видел

«неотделимое последствие» Октября, придавшего внутренней ситуации в Центральных державах мощный революционный импульс. Именно он и предопределил, в конечном счете, военный крах Второго Рейха и Габсбургской монархии, несмотря на иллюзорные и временные успехи на Востоке в начале 1918 г.

История чехословацкого национального движения условно разделялась на два этапа. Первый – с осени 1914 до весны 1917 г. и второй – с весны 1917 до осени 1918 г. Причем, на первом этапе это движение являлось, главным образом, чешским, поскольку словаки с начала войны до 1917 г. не проявляли особой политической активности. Значение Февральской революции советская историография упорно недооценивала, хотя именно она стала одним из факторов, сделавшим движение за независимость народов Австро-Венгрии массовым. Этот рост антигабсбургского движения в Чешских землях и антимадьярского среди народных масс Словакии связывался с Октябрьской революцией. Самым важным было по возможности свести на нет роль Томаша Масарика в создании Чехословацкой республики. Поэтому первый из указанных этапов не изучался, в обобщающих же трудах излагался кратко и поверхностно.

Итоги Парижской мирной конференции в виде Версальской международно-правовой системы особого оптимизма в Советской России не вызывали. Известны ленинские слова, произнесённые в октябре 1920 г.: «Порядок, который держится Версальским миром, держится на вулкане... Версальский мир держится на Польше». Профессор Юрий Ключников, специалист по международному праву, публицист кадетской партии, в 1919 г. в Париже представлял интересы Омского правительства на мирной конференции. В 1923 году он возвратился в СССР и стал экспертом НКВД. Под его редакцией были переведены на русский язык и опубликованы тексты Сен-Жерменского и Трианонского договоров. Ключников предрекал их недолговечность. Еще раньше, в 1922 г., к такому же выводу пришли и другие аналитики, весьма далёкие от политико-идеологической конъюнктуры. Среди них были выдающиеся российские историки Николай Кареев и Евгений Тарле.

Известный юрист и публицист Василий Водовозов до революции считался специалистом по Габсбургской монархии. Ещё в декабре 1914 г. он находился в Сербии и получил представление о непростых, мягко говоря, отношениях между сербами и хорватами, которые после войны волею судеб оказались в составе единого унитарного государства. Особое возмущение Водовозова вызвали положения

Сен-Жерменского договора. *«Тут дело не только в отторжении от неё (Австрии. – Г. Ш.) определённых земель, тут дело в том, кому они переданы. 6 миллионов русинского населения Галиции переданы ... ненавистной ему Польше; 3 миллиона немцев в Богемии переданы Чехии; несколько сот тысяч немцев Тироля, значительное число словенцев и сербов Истрии и Далмации... – отданы Италии; отдавая ей это население, державы не позаботились обязать её уважать права национальных меньшинств, и весьма вероятно, что Италия начнёт их грубую романизацию. Все это сделано без плебисцитов, и всё это вызывает сильное недовольство местного населения. ...До сих пор была в Австрии Italia irredenta, теперь вместо неё появились в Италии Germania irredenta и Slavonia irredenta».* **Водовозов утверждал, что Австрия и Венгрия перестали быть суверенными государствами и стали париями среди государств. По его словам, «всё это не может не питать чувства злобы, правда, бессильной, не оскорблять национального самолюбия, не вызывать мечты о реванше».**

Сталинистская историко-правовая наука говорила о двух исторических типах многонациональных государств. К одному относили Габсбургскую монархию, а также её наследниц межвоенного периода – Югославию, Румынию, Чехословакию и Польшу, которые сохраняли пережитки старых австро-венгерских традиций национального гнёта. К другому типу следовало относить СССР.

Методологической базой для такой трактовки являлся постулат Сталина о привилегированном положении поляков в Габсбургской монархии: *«Австрийцы приблизили к себе поляков, давали им привилегии, чтобы поляки помогли укрепить австрийцам свои позиции в Польше, и за это давали полякам возможность душиить Галицию. Это особая, чисто австрийская система – выделить некоторые национальности и давать им привилегии, чтобы затем справиться с остальными».* Сталинский тезис о привилегированном положении поляков в Австро-Венгрии, прежде всего в Галиции до начала мировой войны, не вызывает возражений и сегодня. «Ведь поляки в Габсбургской империи, составлявшие около 10 % её населения..., не предприняли ни одной серьёзной попытки выступить против метрополии. Вена ... привлекла на свою сторону в качестве политического партнёра лояльное польское дворянство. Поэтому Вена признала за поляками Галиции особое положение. ...Поляки Галиции оставались лояльными Габсбургам и до конца империи были одной из важнейших её опор».

Не только в 1920-е гг., но и вплоть до 1991 г. в Советском Союзе Австро-Венгрия не изучалась целостно как фактор европейской

истории, как её субъект. Оно подменялось фрагментами истории отдельных её народов, даже в тех случаях, когда эти народы, находясь в составе Австрии или королевства Венгрии, были лишены возможности проявить себя в качестве самостоятельной политической силы. Таким образом, под углом зрения народов, не имевших собственной государственности в узком смысле, создавалась – но так и не была создана – марксистско-ленинская концепция истории Дунайской империи. Это общее правило относилось и к истории национального вопроса в Австро-Венгрии в годы Первой мировой войны.

Надійшла до редколегії 12.05.2014

УДК 94(470+571)«1914/1918»

Н. В. Венгер

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ВЛАСТЬ И ВОЙНА: МОНАРХИЯ И ВЕЛИКАЯ ВОЙНА 1914–1918 гг. В ВОСПРИЯТИИ ЛОЯЛЬНОГО СЕГМЕНТА РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Досліджено значення російської монархії для консолідації лояльного сегмента російського суспільства в період Першої світової війни. Простежуючи динаміку взаємозв'язку між концептом «консолідації під егідою монарха» та ідеями «справедливої війни» і «єднання слов'янства», визначено причини зміни характеру патріотичних настроїв і радикалізації лояльного суспільства.

Ключові слова: Перша світова війна, лояльне російське суспільство, російська монархія, династія Романових, історичний образ.

Исследовано значение российской монархии для консолидации лояльного сегмента российского общества в период Первой мировой войны. Прослеживая динамику взаимосвязи между концептом «консолидация под эгидой монарха» и идеями «справедливой войны» и «единения славянства», определено причины изменения характера патриотических настроений и радикализации лояльного общества.

Ключевые слова: Первая мировая война, лояльное российское общество, российская монархия, династия Романовых, исторический образ.